

О типизации как важнейшем процессе речеобразования

ГРИГОРИЙ Я. СОЛГАНИК

(Москва)

Если в теории дихотомия «язык – речь» у подавляющего большинства лингвистов не вызывает сомнений, то на практике разграничение языкового и речевого сопряжено со значительными трудностями. Как соотносены язык и речь в конкретном тексте? Что в нем от языка и что от речи? Как единицы языка трансформируются в речевые? Как происходит процесс образования речи? Эти вопросы представляются весьма актуальными, но нелегкими. Попробуем хотя бы приблизиться к их решению.

Литература, посвященная проблеме «язык – речь», огромна, практически необозрима. Коснемся самых общих теоретических аспектов, необходимых для конкретного анализа текстов, чтобы ответить на поставленные выше вопросы.

Будем исходить из общепринятых положений. Речь – это язык в действии, функционирующий язык. Язык и речь представляют собой целостное явление, неразрывное единство. В этом единстве язык (языковая система) включает в себе естественно сложившийся код общения, речь – реализацию, применение этого кода в процессе общения. Роль каждой из составляющих речезыкового единства неодинакова. Поэтому наряду с традиционно изучаемой лингвистикой языка формируется не менее крупное направление – лингвистика речи, речеведение (термин, введенный Маргаритой Николаевной Кожиной). Особое значение для становления этой дисциплины, доказательства относительной ее самостоятельности имела идея, высказанная проф.

М.Н. Кожиной и развитая в целом ряде фундаментальных работ (Кожина 1969; 1972; 2003): «Речевая системность функционального стиля – это *взаимосвязь* разноуровневых языковых и текстовых единиц в конкретной речевой разновидности, основанная на выполнении единой коммуникативной цели и общей функции, обусловленная экстралингвистической базой этой разновидности, прежде всего назначением в обществе соответствующей формы общественного сознания (науки, искусства, права и т.д.) (Кожина 2003: 347).

Итак, речь не только реализует, воплощает язык, но и обладает собственной системностью, отличной от языковой, что требует особого подхода к исследованию речи, специальных методов изучения. Однако такие методы еще не сформировались, так как отсутствует отчетливое представление о том, что такое речь в реальности – в процессе письма, говорения и т.д.

Когда мы говорим о речи, важно выяснить те ее свойства, которые делают ее относительно самостоятельным явлением. Обычно в качестве важнейшего специфического признака речи называют индивидуальность. Действительно, каждый носитель языка, выражая свои мысли и чувства, индивидуально использует языковую систему. Стремление к индивидуализации речи – глубинная потребность общества и отдельного человека. Пока существует человечество, будет жить и мир явлений и чувств, которые остаются не выраженными в слове, если верное слово не найдено» (Манн 1960: т. 9, 48).

Однако индивидуальность речи подразумевает не только своеобразие, но и типизацию.

Верно, что человек индивидуально использует систему языка. Но мера этой индивидуальности весьма относительна, зависит от многих факторов. Ведь и сами мысли, чувства людей схожи имеют много общего (абсолютное своеобразие вряд ли возможно). Поэтому само индивидуальное содержит в себе общее, массовидное. На долю индивидуального приходится оттенки чувств, акценты в изложении мыслей и т.п.

Коммуникация успешно осуществляется прежде всего благодаря тому, что у говорящего (пишущего) и адресата есть не только фонд общих знаний и представлений о некотором фрагменте действительности, о котором делается сообщение, но и общий фонд выражений, которым пользуется говорящий и который должен быть понятен

адресату (слушающему). Речь функционирует в коллективе и следует его традициям. Поэтому мера индивидуальности, во всяком случае для многих видов речи, довольно низка. Главная же тенденция речи заключается в типизации речевых явлений для отражения тех или иных фрагментов действительности, для выполнения тех или иных функций, для формирования стилей. Именно слабая типизация речи подразумевается в нередких сетованиях поэтов, писателей на неразработанность языка, например:

[...] но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись; метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотно выражается на языке чужом, коего механические формы давно уже готовы и всем известны (Пушкин 1955: XI, 21).

Речь социальна по своей природе, как и язык. Индивидуальность характеризует способ, характер использования речи, служит важным стимулом ее развития, но не составляет ее сущность. Последняя же предполагает некоторое единство выражений для коллектива говорящих. Отсюда и вытекает тенденция к типизации.

В каждом виде речи есть компоненты общие, традиционные для относящихся текстов, и компоненты, излагающие новую мысль, новую информацию, которые не могут быть оформлены стандартно. Типизация охватывает прежде всего сферы речи, отражающие общие, регулярные, частотные, повторяющиеся ситуации.

Таким образом, речь в идеале должна содержать типизированные элементы, относящиеся к самым разнообразным областям социальной жизни. Если брать аспект развития, формирования речи, то главная ее тенденция – тенденция к типизации, которой противостоит тенденция к индивидуализации, уникальности. Взаимодействие этих тенденций и определяет характер функционирования, развития речи. Однако главной в этом процессе является тенденция к типизации, унификации.

В норме текст состоит из единиц, которые воплощают в себе и язык, и речь. Однако языковое оказывается важным, но имплицитным компонентом, а все то, что находится на поверхности, это речь, речевая

материя. Как же происходит превращение языковой единицы в речевую? Каков статус речевой единицы? Каковы виды речевых единиц?

Главное, что превращает языковую единицу в речевую, – это лексическое наполнение, реализующее в том или ином тексте особые, специальные для этого текста потенции языковой модели. Возьмем, к примеру, словосочетание *зеленый куст*, построенное по модели «существительное + согласованное с ним прилагательное». Эта модель имеет теоретически бесконечное (ограниченное лишь законами сочетаемости) количество вариантов лексического наполнения (n). Любое заполнение модели – это выбор из n вариантов. Языковая и речевая стороны здесь тесно переплетены, взаимозависимы. Языковая единица (модель) не может существовать без лексического наполнения. И функционирование лексики в свою очередь невозможно без языковой модели.

Модель открывает многообразные возможности ее заполнения, но реализуется лишь одна. Происходит слияние, соединение языковой формы и содержания (лексического наполнения). И таким образом появляется единица, в которой языковое начало уходит вглубь, а на поверхности остается лексическое наполнение. Выбор последнего, зависящий от многих факторов, и есть производство речевой единицы.

Речь стремится к идиоматизации своих звеньев, т.е. к превращению их в готовые средства выражения. Она стремится закрепить выбранное лексическое наполнение модели, типизировать его (приспособить к употреблению во многих аналогичных случаях). Тенденция к ограничению количества речевых единиц для той или иной ситуации, наименования предмета и т.п., по-видимому, связана с ограниченными возможностями оперативной памяти человека. К.И. Чуковский сетовал на то, что у переводчиков «нищенски убогий словарь». Худого человека они назовут только худым, но не худощавым, сухопарым, тщедушным, щуплым, тощим (Чуковский 1964: 88). Можно полагать, что одна из причин такого положения – действие закона типизации, стремление ограничить количество вариантов единственным.

Что же представляет собой типизированный элемент, готовое средство, единица речи?

Так, известное из какого-либо текста выражение, например *зеленый куст*, будет тесно привязано к этому тексту и к отображаемой им ситуации. И для данного текста это выражение является уникальным.

Оно дает точное, расчлененное наименование явления и в этом смысле незаменимо. Вырванное же из контекста, оно теряет семантические связи, присущие ему в тексте, и оказывается несамостоятельным, изолированным в смысловом отношении.

Сравним, с другой стороны, выражение *зеленые насаждения*, которое не нуждается в раскрытии своего значения в контексте, имеет точно определенное значение и может быть употреблено в любом тексте. Оно самодостаточно в отличие от выражения *зеленый куст*. Если последнее выражение закреплено за текстом, в котором оно употреблено, то первое (*зеленые насаждения*) не имеет закрепленности, не зависит от текста. Это воспроизводимый, готовый оборот речи. Словосочетание *зеленый куст* производимо, потому что мы выбираем в зависимости от экстралингвистических причин (ситуации) и существительное (*куст, забор, мост* и т.п.), и прилагательное (*зеленый, молодой* и т.п.). А словосочетание *зеленые насаждения* воспроизводимо, так как регулярно используется для наименования соответствующего явления. Есть существенное различие между выражениями *зеленый куст* и *зеленые насаждения* и с точки зрения связи языковой формы (модели) и содержания (лексического наполнения). В выражениях первого типа связь подвижна, прозрачна, т.е. опирается на определенную ситуацию (например, *зеленый куст среди желтых*). Во втором случае связь настолько тесна, что выражение воспринимается как единое, нерасчлененное.

Таким образом, необходимо выделять в речи два типа единиц – типизированные воспроизводимые (как *зеленые насаждения*) и типизированные производимые (как *зеленый куст*).

Типизированные речевые единицы появляются под влиянием внешних обстоятельств для наименования, отображения регулярно повторяющихся, частотных ситуаций или их фрагментов. Некоторые речевые единицы, наиболее эффективно выполняющие присущую им функцию, прошедшие соответствующий отбор, начинают употребляться в единственном варианте (с определенным лексическим наполнением) как готовый элемент, «кирпичик» речи. И в этом случае происходит срастание лексического наполнения с языковой моделью, производимая единица становится воспроизводимой. Таким образом, статус речевой единицы определяется степенью слитности языковой модели с лексическим наполнением.

В зависимости от вида речи и ее назначения последняя нуждается в разного рода речевых единицах. В художественных текстах, некоторых жанрах публицистики нужны по преимуществу производимые речевые единицы, привязанные к данному, конкретному тексту, отражающие индивидуальное, конкретное, единичное. Назовем такие единицы **речевыми сочетаниями**.

Тексты, отражающие ситуации повторяющиеся, регулярные, частотные, нуждаются в типизированных единицах, закрепленных не за конкретным текстом, а за совокупностью однотипных текстов, нередко за жанром. Назовем такие единицы **речевыми оборотами**. Они становятся постоянными слагаемыми для речевого оформления однотипных ситуаций. Главное их назначение – построение речи.

Идеальным представителем речевых оборотов являются фразеологизмы (включая сюда афоризмы, пословицы, поговорки, крылатые слова), манифестирующие наиболее характерные признаки речевых оборотов – устойчивость, воспроизводимость. Что касается образности, то это необязательный признак фразеологизмов. Таким образом, фразеологизмы органично включаются в состав речевых оборотов как их часть, вид.

Однако в языковой реальности, в речевой практике фразеологизмы занимают не столь большое место. Между тем речевая типизация охватывает все языковое пространство, не только его фразеологию. Если очертить основные сферы и направления типизации, то они распространяются прежде всего на высказывание – основную единицу речи. Как показывает анализ, (при этом мы опираемся главным образом на материал книги (Солганик 2004), типизируются прежде всего структурные звенья высказывания: субъект, предикат, объект (дополнение, обстоятельство). И это естественно: речь состоит из высказываний. Типизация их составных частей и составляет процесс речеобразования, облегчает общение благодаря появлению готовых форм речи.

Типизация субъекта высказывания весьма продуктивна в публицистике, например: *автор (новости, симфонии, проекта, статьи, пейзажей, памятника, письма, конструкции)*. В сочетании с названием произведения используется как описательное выражение вместо имени писателя, которому принадлежит произведение (*автор Евгения Онегина, автор Братьев Карамазовых, автор Дон Кихота*). Ср. также речевой

оборот автор этих строк, призванный заменять личное местоимение я. **Адвокат** (адвокаты империализма, адвокаты холодной войны, адвокаты монополий). **Акулы** (биржевые акулы, акулы пера, акулы бизнеса, опасные уголовные акулы). **Апостол** (апостол мира, апостол добра, апостол истины, апостол независимости, апостол расизма). **Ареонаг** (ареонаг профессоров, ареонаг критиков, литературный ареонаг). **Белая ворона**. **Ворона в навлиных перьях**. **Впередсмотрящий** (впередсмотрящий технического прогресса). **Отчаянная голова**. **Светлая голова**. **Звезда** (звезды эстрады, звезды большой политики, звезды журналистики, звезда экрана, звезды балета, шахматные звезды; ср. также: восходящая звезда, звезда первой величины).

Как показывает анализ материала (это видно и из приведенных примеров), специальное речевое оформление только субъекта высказывания занимает далеко не самое важное место в процессе типизации речи. Было бы неэкономно типизировать только субъект речи. Можно также полагать, что субъект – не самая главная часть высказывания, которое может обходиться и без субъекта. Более характерны для процесса типизации универсальные речевые обороты, которые могут выполнять функции и субъекта, и предиката, и широко понимаемого объекта, например:

Арена (арена борьбы, арена событий, арена схваток; литературная арена, научная арена, историческая арена, мировая арена; выйти на арену, появиться на арене, уйти с арены, выступить на арене; ареной каких-либо действий стало какое-либо место, превратить что-либо в арену какой-либо деятельности). **Арсенал** (арсенал знаний, арсенал открытий, арсенал доказательств, арсенал улик, арсенал борьбы, арсенал прогресса, арсенал подавления; идейный арсенал, поэтический арсенал, технический арсенал, актерский арсенал, журналистский арсенал; арсенал чего-либо расширился; в арсенале чего-либо важное место занимает...; использовать что-либо из арсенала...). **Барометр** (барометр общественного мнения, барометр освободительной борьбы; политический барометр, экономический барометр; стрелка политического барометра склоняется к какой-либо отметке; столбик экономического барометра продолжает падать; чувство художника – самый верный барометр). **Балаган** (политический балаган, милитаристский балаган; балаган с выборами; устроить балаган). **Бой** (классовые бои, трудные бои; бросаться в бой, вводить в бой, вести бой, вступать в бой, выдерживать

бой, выигрывать бой, давать бой, затевать бой, завязывать бой, принимать бой, уклоняться от боя; поле боя, без боя). Бремя (бремя инфляции, бремя славы, бремя конкуренции, бремя забот; налоговое бремя, финансовое бремя, экономическое бремя; взвалить бремя чего-либо на кого-либо, возлагать бремя чего-либо на кого-либо, ложиться тяжёлым бременем на плечи кого-либо, нести бремя чего-либо, перекладывать бремя чего-либо на (плечи), сбрасывать бремя чего-либо с плеч; под бременем чего-либо; бремя чего-либо свалилось на...). **Бумеранг** (политический бумеранг; эффект бумеранга; оказаться бумерангом, возвращаться бумерангом; (что-либо) действует словно бумеранг (подобно бумерангу); бить бумерангом по кому-, чему-либо). **Буря** (политическая буря, социальная буря, очистительная буря, валютная буря, революционная буря; буря возмущения, буря негодования, буря воспоминаний, буря аплодисментов, буря восторгов, буря протестов, бури истории, буря чувств; вызвать бурю негодования; ср. также: буря в стакане воды; затишье перед бурей).

На типизацию субъекта речи, как и других звеньев высказывания, оказывает влияние функциональный стиль, в рамках которого осуществляется этот процесс. Так, в публицистике, как это видно из примеров, подавляющая часть речевых оборотов имеет оценочную окраску.

По сравнению с типизацией субъекта высказывания, гораздо более продуктивна и важна для оформления речи типизация предиката. Субъект и объект – подвижные компоненты высказывания, предикат – его основа, центральная часть, главное в сообщении. Произвести высказывание значит прежде всего выразить предикат. Не случайно А.Н.Толстой считал, что главное во фразе – найти глагол.

В результате типизации предиката формируются единицы, близкие к фразеологическим моделям – устойчивым словосочетаниям с постоянным (постоянными) и переменным (переменными) компонентом (компонентами): *есть (манера) и (манера), есть вера и вера, есть соглашения и соглашения; (правда) есть (правда), Бергман есть Бергман; (генералы) от (журналистики), жрецы от юстиции, ремесленник от педагогики, дельцы от науки, разбойники от медицины.*

Типизация предиката заключается в том, что он дает основу высказывания, его постоянный компонент, оставляя незаполненные позиции для переменных компонентов – субъекта, объекта, а иногда и того, и другого:

Перед чем-либо бледнеет что-либо (Коррупция приняла масштабы, перед которыми бледнеет вся многовековая история мздоимства...), На бумаге (быть, остаться) что-либо, Быть большим католиком, чем папа(кто), Быть большим роялистом, чем король (кто), Быть (идти, следовать и т.п.) в фарватере (кого-, чего-либо, чьей-либо политики), Велеть (приказать) долго жить (кто, что), Обратить в свою веру (кого), Трецать по всем ивам (кто, что), иметь в виду (кого, что), строить воздушные замки (кто), Висеть на волоске (на ниточке) (кто, что), Лить воду на чью-либо мельницу (кто, что), Возложить что-либо на алтарь отечества (кто), Не сходить со страниц газет (кто, что), Поставить крест на комОлибо (кто), Перемывать косточки кому (кто), В корне пресечь что-либо (кто), Пустить корни (кто), Держать под колпаком (кого, кто), Стоять у колыбели чего-либо (кто), Держать камень за пазухой (на кого, против кого), Камня на камне не оставить (от чего), Земля горит под ногами (кого, у кого), Кожей чувствовать (что, кто), Работать локтями (кто), Не может быть двух мнений..., Не найти ничего лучшего, как..., Не поддается никакому сравнению..., Нет чего-либо более эффективного(полезного и т.п.), чем..., Не оставляет сомнений..., Оставляет желать лучшего...

В связи с типизацией предиката следует рассмотреть и такой важный аспект этого процесса, как оформление начальной части высказывания, Как известно, труднее всего начать высказывание, Типизация «подсказывает» целую серию таких зачинов с различными смысловыми модальными заданиями:

Не будет преувеличением сказать (утверждать), что..., Нельзя не (+ инфинитив): нельзя не отметить, нельзя не согласиться (с чем-либо), нельзя не сказать, чтобы..., Нетрудно (+ инфинитив): нетрудно догадаться, понять, решить и т.п.); Факт, что...(Факт, что проиграли), Факт тот, что..., Дело в том, что..., Чудо как... (Чудо как хороша сегодня погода); Как говорят, Как говорится; Взять (возьмите) хотя бы (Скажем, к примеру); Стоит только (сделать что), как (и, чтобы)... (о быстром наступлении какого-либо действия); Не секрет, что..., Нетчего-либо более эффективного, чем..., Не успеешь оглянуться, как..., Можно сказать, что..., Надо сказать, что..., Сказать что-либо значит ничего не сказать, Только ленивый не сделает чего-нибудь, Нет слов (выражение крайнего изумления), Отметим в скобках..., С позволения сказать... и др.

Важную роль в формировании речи играет и типизация объекта – разнообразных обстоятельств, в которых протекает действие, определений и дополнений. При этом все они дифференцируются по смысловым аспектам. Вот наиболее продуктивные из них:

Оценочный определительный: *божьей милостью (поэт), чистой (чистейшей) воды (кто, что), достойный лучшего применения, С бородой (что), печально знаменитый.* **Обстоятельственный оценочный:** *В хвосте событий, Под каблуком, Ниже всякой критики, Как никогда, В своем репертуаре, Под огнем критики, Полным ходом, Из первых рук, С подачи (кого), Невооруженным взглядом (видно), Во главе, Во всеоружии, Во благо, В лоб, Ко двору (Не ко двору), В авангарде, В арьергарде, На веру, Верой и правдой, В зачатке, В зачаточном состоянии, В центре внимания, Без обиняков и др.* **Обстоятельственный временной:** *В веках, Испокоин века, От Адама, До последнего вздоха, С колыбели, На краю могилы и др.* **Количественный:** *Без меры, От мала до велика, Великое множество, В большом и малом, как песок морской и др.*

Весьма продуктивен **аспект уподобления**. Здесь можно выделить целую серию типизированных сравнительных оборотов с наречием *как*: *Как без рук, Как (будто, словно) бельмо на глазу, Как в воду смотрел, Как ветром сдуло, Как обухом по голове, Как маслом по сердцу, Как с неба упал (свалился), Как по команде, Как в капле воды отразиться, Как воздух (необходим, нужен), Как дым развеяться (разлететься), Как за каменной стеной, Как из рога изобилия, Как из худого решета, Как на дрожжах (подниматься, расти), Как на духу, Как на иголках, Как на угольях, Как на каменную стену надеяться (полагаться), Как небо от земли, Как по маслу (идти, течь и т.п.), Как побитый пес, Как прошлогодний снег нужен, Как рыба в воде, Как с гуся вода, Как сверчок за печью, Как сельди в бочке, Как снежный ком расти, Как солнце в капле воды (отразиться), Как сыр в масле кататься, Как сталь (крепкий), Как у Христа за пазухой и др.*

Особо следует выделить наиболее обобщенный и продуктивный аспект, определяющий характер, направление деятельности, повествования и т.п. Относящиеся сюда речевые обороты играют роль своеобразных предлогов: *в свете, по линии, под знаком, в знак, по пути чего-либо, в обстановке, в атмосфере, в адрес, на взгляд, во вкусе, с благословения, перед лицом кого-, чего-либо и др.*

Итак, мы рассмотрели типизацию структурных звеньев высказывания – субъекта, предиката, объекта. Наиболее продуктивной оказалась типизация предиката и объекта. Возникает вопрос: возможна ли типизация всего высказывания? Примеров подобной полной типизации очень мало, и касаются они главным образом оценочного аспекта, своеобразного метатекста к повествованию, изложению: *Мало не покажется; Дорогого стоит; Много воды утекло (с тех пор); На том стою!*

Речевая типизация никогда не достигает 100%. Это сильная, влиятельная тенденция, не получающая, однако, полного развития. Иначе речь превратилась бы в собрание готовых форм (как пословицы, афоризмы, некоторые крылатые слова). И процесс порождения речи свелся бы к запоминанию и воспроизведению готовых отрезков речи. Это невозможно ни теоретически, ни практически. Количество высказываний, отражающих действительность и рождаемых ею, бесконечно. Поэтому типизировать можно лишь схему высказывания, точнее, ее структурные звенья. Вся схема высказывания принципиально не типизируются. Типизация высказывания подобна фразеологической модели, имеющей постоянные и переменные компоненты. Первые – готовые, воспроизводимые элементы речи, вторые – производимые, связанные с меняющейся языковой реальностью. Переменные элементы стимулируют речевое творчество.

Наряду с речевыми оборотами, о которых до сих пор шла речь, большая роль в типизации речи принадлежит речевым сочетаниям. В отличие от речевых оборотов они в большей степени привязаны к контексту, ситуативно ограничены. Речевые обороты гораздо меньше зависят от контекста, они полиситуативны, имеют более широкое значение, например: *в обстановке* (секретности, острой борьбы, сердечности, товарищеского сотрудничества, полного взаимопонимания, пессимизма, разногласий и т.п.).

Главный источник формирования речевых сочетаний – сочетаемость. Обычно сочетаемость не рассматривается в плане речевой типизации, но в действительности это одно из важнейших средств порождения речи. Речевые обороты составляют хотя и важную, но все же часть речевого пространства – его готовые блоки, «кирпичики». Остальная же часть не менее, а по-видимому более крупная, приходится на долю речевых сочетаний, определяющих строй речи, характер употребления слова.

Как, например, употребить в высказывании, в речи слово *отчаяние*? Речевые обороты здесь не помогут, Их нет, Только сочетаемость покажет все возможности употребления этого слова: *быть в отчаянии, ввергнуть в отчаяние, довести до отчаяния, впасть в отчаяние, дойти до отчаяния, повергнуть в отчаяние, предаться отчаянию, привести к отчаянию, прийти в отчаяние; отчаяние охватило кого-либо, отчаяние овладело кем-либо; минута отчаяния, шаг отчаяния.*

Как видим, здесь представлены практически все возможные актуальные смысловые аспекты, связи слова *отчаяние*: по отношению к говорящему и другим лицам, по отношению к поступкам (*шаг отчаяния*), характеризуется степень чувства (*отчаяние охватило кого-либо*) и т.п.

Сочетаемость типизирует переменные компоненты высказывания, без которых оно не может существовать. И эти компоненты тоже речевые единицы. Из множества вариантов сочетаемости слова выбираются и закрепляются в речи наиболее эффективные, призванные оформлять в речи актуальные смысловые аспекты. Однако в отличие от использования речевых оборотов в случае речевых сочетаний говорящий стоит перед выбором одного варианта из многих. Но все эти варианты – речевые единицы. Язык диктует лишь направление и характер сочетаемости, определяет ее границы. Формируемые же сочетания принадлежат речи. Говорящий и производит, и воспроизводит их: производит, так как выбирает одну из множества форм, воспроизводит, так как выбранную форму он использует как готовую. Элемент творчества заключается в выборе одного варианта из многих или (редко) в обновлении сочетаемости, которое тоже опирается на существующие формы.

Сочетаемость охватывает широкое речевое пространство, остающееся за вычетом речевых оборотов. Ее основа, цель – заполнение лакун в высказывании, его структурных звеньев. При этом есть слова универсальные, используемые во всех позициях высказывания и присоединяющие большое количество других слов. Есть слова более узкого диапазона, специализирующиеся на заполнении одной какой-либо позиции и притягивающие к себе гораздо меньше слов. Универсальные слова – это, как правило, глаголы и существительные.

Так, глаголы широкой семантики типа *внести* концентрируют вокруг себя большое количество существительных, с которыми они соче-

таются, например: *внести (беспорядок, взнос, вклад, дезорганизацию, диссонанс, дополнение, задаток, замешательство, изменения, исправления, коррективы, лепту, неразбериху, оживление, перемены, поправку, предложение, привкус, проект, путаницу, разброд, разлад, разногласия, разнообразие, раскол, расстройство, растерянность, сумятицу, успокоение, уточнения, ясность; внести в список, внести на обсуждение)*.

Эти сочетания и составляют речеобразования. Языковая единица *внести* порождает множество речевых сочетаний. Это именно речевые единицы. Они устойчивы, воспроизводимы и могут использоваться как готовые формы речи. Языковая же единица (например, глагол *внести*) не может использоваться (в переносном значении) без сочетающихся с ней существительных.

Важно подчеркнуть, что при широчайшем диапазоне сочетаемости носит избирательный характер. Она не беспредельна и определяется задачами речепорождения. Речевые сочетания (например, с глаголом *внести*) способствуют типизации высказывания, призваны служить готовыми предикатами, а тем самым типизировать высказывание в целом.

Существительные широкой семантики (типа *внимание*) концентрируют вокруг себя большое количество глаголов, также образуя речевые сочетания, например: *акцентировать внимание, выпасть из внимания, завладеть вниманием, задерживать внимание, занимать внимание, заострять внимание, заслуживать внимания, концентрировать внимание, направлять внимание, обращать внимание, обходить вниманием, оказывать внимание, окружать вниманием, ослаблять внимание, оставлять без внимания, останавливать внимание, отвлекать внимание, переключать внимание, пользоваться вниманием, предлагать вниманию, привлекать внимание, приковывать внимание, принимать во внимание, притуплять внимание, проявлять внимание, распылять внимание, сосредоточить внимание, требовать внимания, уделять внимание, удалять внимание, усиливать внимание, устремлять внимание, фиксировать внимание*.

Процессы образования речевых сочетаний с глаголами и существительными (ср. также *взвесить, воздать, вызвать, оказать* и др. и *возможность, война, впечатление, желание* и др.) имеют зеркальный характер, но сущность их одна – служить материалом формирования

речи. Глаголы и существительные, как наиболее богатые синтаксическими потенциями, лежат в основе процесса порождения речи. Зеркальный характер этих процессов выражается в том, что при глаголах широкой семантики используются конкретизирующие существительные, а при существительных широкой семантики – конкретизирующие глаголы. При этом формируемые на основе существительных речевые сочетания имеют системный характер: они образуют парадигму, крайние точки которой составляют антонимичные понятия, например: *акцентировать внимание – выпасть из внимания*. Развитие этой парадигмы связано с дифференциацией оттенков – оценочных, выделительных и др.

Что касается парадигмы, в основании которой лежит глагол, то она носит открытый характер и может пополняться новыми членами, манифестируя развитие речи, ее средств.

Речевые сочетания, создаваемые на основе универсальных слов, во многом формируют строй речи публицистики, как и других стилей. Ср., например, роль в научной речи таких универсальных слов, как *составлять, осуществлять, состоять* (*Задача состоит в том, что...*). Широкая сочетаемость универсальных слов – строевой лексики всех функциональных стилей – объясняется соответственно широким, несколько размытым значением этих слов.

Среди других частей речи, формирующих речевые сочетания, наибольшей активностью в рамках публицистики обладают прилагательные. В них типизируется обычно признак, связанный с его мерой, степенью, качеством (*баснословный, беспрецедентный, беспримерный, бесценный, богатый* и др.). В публицистике весьма актуально также выражение оценки – положительной или отрицательной (*братский, беззаветный, авангардный, бессмертный – беззастенчивый, беспардонный, бесцеремонный, близорукий, братоубийственный, вероломный* и др.).

Следует подчеркнуть, что такая характерная для публицистики активность прилагательных обусловлена тем, что в рамках этого стиля многие прилагательные обладают оценочной окраской. Именно они и образуют речевые сочетания, например *ангажированный: ангажированное правительство, ангажированная пресса, ангажированное телевидение, ангажированный писатель; бархатный: бархатная революция, бархатный переворот, бархатная война*. Прилагательное *большой* только в переносном значении образует характерные

публицистические речевые сочетания: *большая нефть, большая руда, большая химия, большой хлеб, большой уголь*.

Процесс типизации сочетаемости выражается в формировании своеобразных микросистем, в которых воплощается принцип полноты выражения отношений, связанных со словом, например: *брать клятву, давать клятву, приносить клятву – нарушать клятву*. Отношения *брать – нарушать образуют своеобразный семантический каркас, парадигму*, ср.: *На ковер (вызвать, поставить, идти и т.п.) кого – На ковре (быть, находиться и т.п.)*.

Итак, речь составляют речевые обороты, речевые сочетания и слова. Обороты и сочетания представляют речевое начало, слова – языковое. Чтобы войти в речь, стать ее компонентом, слова подвергаются некоторой трансформации: конкретизируется значение слова применительно к ситуации высказывания, из парадигмы форм слова выбирается одна. В языке отдельное слово не обладает, как правило, полной определенностью значения. Некоторая определенность появляется при сочетании данного слова с другими. При этом в одних случаях формируются типизированные элементы – речевые сочетания, которые с течением времени могут превратиться в речевые обороты. Например, слово *авангард* в переносном значении («Передовая, ведущая часть общества, класса, группы») в сочетании с согласованными и несогласованными определениями образует словосочетания, регулярное употребление которых превращает их в компонент речи – речевые сочетания: *боевой авангард (партии. Народа, класса) авангард борьбы за что-либо*. Происходит речевая типизация слова (и словосочетания). Разумеется, типизации подвергаются те словосочетания, которые выражают актуальный смысл для какой-либо сферы речи, деятельности, направления и т.п.

В других случаях слова входят в речь как нетипизированные, но все же речевые элементы. Во фразе *Я вышел в поле до звезды* элементы *я, вышел, в поле* нетипизированные, *до звезды* – речевой оборот, который обладает устойчивостью смысла и формы, воспроизводим и может быть употреблен и в других контекстах.

Отдельное слово заключает в себе языковые и речевые признаки, но в большей степени принадлежит языку. Таким образом, в формировании речи можно выделить языковое и собственно речевое начало (нетипизированные и типизированные элементы). Любое высказывание

– это соединение («сплав») речевого и языкового, соотношение которых гибко, подвижно и определяет стилистический облик речи. Языковое и речевое в высказывании постоянно колеблются, балансируют, но каждое из них не становится абсолютно преобладающим. Языковое начало стимулирует тенденцию к обновлению, динамике речи, речевое – стремление к ее стабильности.

Речь стремится фиксировать, типизировать все возможные смысловые аспекты изложения, создавая тем самым своеобразный семантический каркас, заполняемый конкретными сведениями. Ср. дифференцируемые по стилям зачины (*Жили-были, Несколько лет тому назад*), многообразные способы введения чужой речи, выражения чужого мнения (*как говорится, говоря словами кого-либо, по словам... по мнению... и др.*). Типизируются, как правило, актуальные, частотные аспекты речевых ситуаций. «В качестве стереотипных единиц в научных текстах обычно называются и исследуются, так сказать, «атомарные» и «молекулярные» единицы [термины А.Н.Васильевой – Г.С.] – прежде всего словосочетания, вводные слова, а также фрагменты «зачинов» предложения: *необходимо определить; представляется возможным определить; главной целью статьи (монографии) является...; задача состоит в том, что...; проблема заключается в том, что...; существенно то, что...; известно, что...; как утверждает (сообщает) N...; следует подчеркнуть...; дальнейший ход рассуждений покажет...; в заключение отметим...; перейдем к...; как было показано выше... и т.д.* (Кожина 1999: 35).

В научной речи стереотипизации подвергаются, как правило, формулировки цели, задач, смысловые подчеркивания, ссылки на источник, зачин и концовка, смысловые переходы, обоснование выводов и т.д. Если обобщить эти аспекты, то можно сказать, что типизируется смысловой контур, логическая схема – ее важнейшие звенья. В этом главная особенность типизации. Невозможно заранее определить содержание, суть научного поиска, но его логическая схема известна и подлежит стандартизации. Стереотипизируется не сама мысль, а ее форма – в зависимости от характера развития этой мысли. Типизируется не содержание, но форма речевой цепи, ее важнейших звеньев.

Все сказанное выше свидетельствует о глубине, всеохватности, универсальности процесса типизации. В любой речи присутствуют рече-

вые обороты и речевые сочетания, которые составляют ее сущность и специфику. Они являются опорой. Основой, тем известным, от чего речь отталкивается, из чего исходит. При отсутствии речевых оборотов речь оказалась бы трудно воспринимаемой и производимой. Возможности варьирования, комбинирования речевых оборотов, сочетаний и слов бесконечно многообразны, они являются полифункциональными и определяют неисчерпаемые творческие потенции, заключенные в речи.

Общая картина речеобразования пестра, сложна. Однако главная тенденция не вызывает сомнений: речевая цепь стремится к идиоматизации, к заполнению ее звеньев воспроизводимыми, готовыми элементами. Разумеется, эта тенденция эффективна до тех пор, пока воспроизводимые элементы отражают фрагменты частотных, типичных, массовидных ситуаций, и становятся неэффективными в тех видах литературы, где необходимы средства уникального назначения. В таких видах литературы речевые обороты могут восприниматься как штампы. Действием противонаправленных тенденций к типизации и уникальности выражения определяется многообразие стилей, жанров, направлений – от стандартно регламентирующих до эстетически индивидуальных.

Изучение проблем типизации – одна из главных задач лингвистики речи. Типизация по-разному проявляется в различных типах текстов. Поэтому рационально дифференцировать исследования типизации, проводить их в рамках функциональных стилей. В качестве удачного примера можно назвать цитировавшуюся уже работу *Стереотипность и творчество в тексте*, в которой подробно анализируется процесс стереотипизации на разных уровнях научной речи. Исследование типизации как в научных текстах, так и в текстах других функциональных стилей представляется весьма перспективным.

Литература

- Кожица М.Н., 1969, *К проблеме речевой системности и функционально-стилистических норм в связи с описанием и изучением языка*. – *Международная конференция преподавателей русского языка и литературы*, Москва.
- Кожица М.Н., 1972, *О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими*, Пермь.

- Кожина М.Н., 2003, *Речевая системность функционального стиля*. – *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, ред. М.Н.Кожина, Москва, С. 347.
- Кожина М.Н., 1999, *Некоторые аспекты изучения речевых жанров в нехудожественных текстах*. – *Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов*, Пермь.
- Манн Т., 1960, *Воспитание чувства слова*. – *Собрание сочинений*, Москва.
- Пушкин А.С., 1955, *О причинах, замедливших ход нашей словесности (из чернового наброска)*. – *Сочинения*, Москва.
- Чуковский К., 1964, *Высокое искусство*, Москва.
- Солганик Г.Я., 2004, *Толковый словарь. Язык газет, радио, телевидения*, Москва

On Unification in the Process of Speechformation

In this article we investigate the process of speechformation. The essence of this process is unification of language and speech patterns.

Keywords: *speech formation, speech pattern, unification of language.*